

ВОЙНА

1941-1945
«ЮНОСТЬ,
ОПАЛЕННАЯ
ВОЙНОЙ»

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

«ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ»

дайджест о писателях-фронтовиках

Екатеринбург, 2024

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Ю55

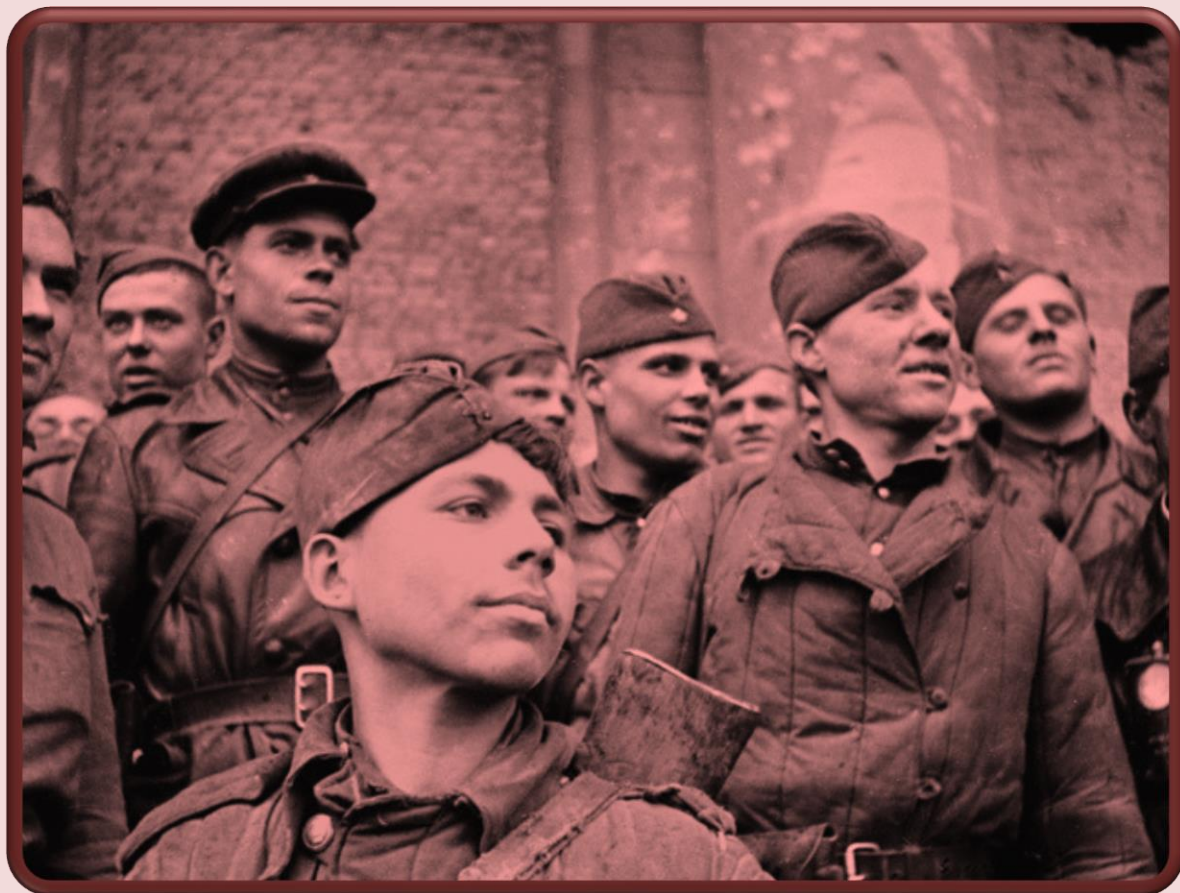
Ю55

«Юность, опаленная войной» : дайджест о писателях-фронтовиках / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека ; составитель О. И. Калинина. – Екатеринбург : ГБУК СО СОМБ, 2024. – 61 с.: ил. – Текст : электронный.

83.3(2Рос=Рус)6

Изображения из открытых источников сети Интернет.

Составитель О. И. Калинина

Как это было! Как совпало -
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Давид Самойлов (отрывок)

«Лишь одним дышал я – близкою победою»

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

გრიგოლ გრიგოლის ძე აბაშიძე

«Победитель»

Грузинскому воину Кантария,
одному из водрузивших
наше победное знамя над рейхстагом

Шел в ярме огня я, устали не ведая,
Лишь одним дышал я – близкою победою,
Полон упованием единым,
Веря, что заря блеснет над нами
И что вспыхнет солнцем над Берлином
Наше знамя.
Оттого, изранен, был неуязвимым я,
Оттого расстался с нивами родными,
Оттого оставил в шахтах глыбы,
Стол мой с неисписанной бумагой, –
Чтобы свой привет послать смогли бы
Мы со стен рейхстага.
И надежде этой неизменно верил я,
Возле гор Кавказа, у его преддверия,
По пятам преследовал злодея,
Разрушал в лесах его берлоги,
Под жестоким ливнем холодея, –
Не свернул с дороги.
Торопились тучи по небу свинцовые,
Но моей надежды был покорен зову я.
Рабья трусость – человека чувство ль?
Голову высоко поднимаю,
Не устал я, – что такое усталь?!
Робости – не знаю.
Много исходили мы дорог, товарищи,

Григол Абашидзе – советский грузинский писатель и поэт – родился 1 августа 1914 года. В годы Великой Отечественной войны писатели Грузии, как и вся страна, сражались за победу – и штыком, и словом.

В 1941-1942 годах работал ответственным секретарём журнала «Мнатоби». В годы войны написал произведения: «Враги» (1941), «Поединок танков» (1941), «Знамена» (1943), поэма «Непобедимый Кавказ» (1943).

Видели в пути мы слезы, кровь, пожарища,
Раненные пулей и гранатой,
В темном поле встретившие мину,
Как виденья, провожали брата
По пути к Берлину.
И летели стоны, война преследуя:
«Если не вернешься ты домой с победою
И не разгоришь гнездо тирана,
Навсегда запомнишь стоны братьев,
Сердце будет вечно жечь, как рана,
Братское проклятье».
Был я верным сыном, клятвы не нарушил я,
Родины приказы беззаветно слушал я,
Выносил невзгоды и лишенья,
Ледяной бывал покрыт корою,
Чтоб войти в Берлин, на подвиг мщенья,
Грузии героем.
Кто я? Моего никто не знает имени.
Как захочешь, друг мой, так и назови меня.
Не один я, не один, — нас много.
Назови меня ты именами
Всех, кто шел военного дорогой,
Славя наше знамя.
Не меня ли дома ждет моя любимая
И не спит ночами не моя ль родимая?
Тот я, кто придет, как победитель,
Тот, чьей волей слез поток прервется.
И да будет светлую обитель
Тем, кто не вернется.

В ходе боев за Берлин 30 апреля 1945 г. разведчики младший сержант Мелитон Кантария и сержант Михаил Егоров под командованием лейтенанта Алексея Береста водрузили Знамя Победы на крыше здания рейхстага. За совершенный подвиг Егоров и Кантария 8 мая 1946 г. были удостоены почетного звания Героев Советского Союза.

Стихотворения Григола Абашидзе, отмеченные мужественной лиричностью, воспевавшие беспредельную любовь к родной стране, составили не один поэтический сборник. Стихи Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР переведены на русский язык и многие другие языки народов Советского Союза, а также за рубежом.

У него было множество друзей, писателей разных национальностей, среди которых и выдающиеся деятели русской литературы: Николай Заболоцкий,

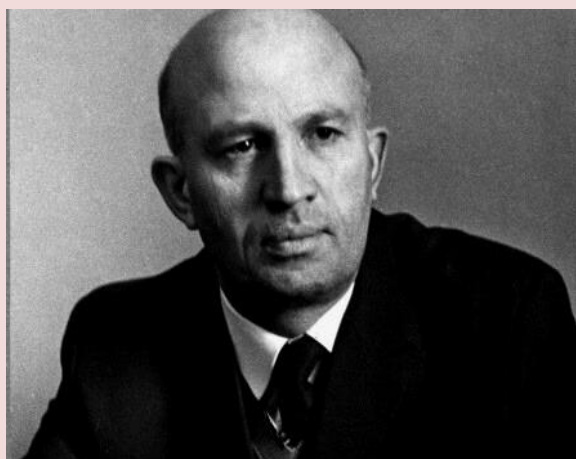
Михаил Шолохов, Микола Бажан, Николай Тихонов, Арсений Тарковский, Константин Симонов, Олесь Гончар, Иван Тарба, Александр Межиров, Чингиз Айтматов, Евгений Винокуров, Игорь Шкляревский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Расул Гамзатов, Михаил Синельников, Юрий Ряшенцев и другие.

Грузия в сердце, в руках, в мыслях, в голосе, в ритме стиха...

«Между Европой и Азией стоят Кавказские горы. Здесь высоты соединяют материки. Ледники лежат на горах, как серебряная, самая крепкая в мире спайка.

Дошедшая до Древней Греции память о подвиге Прометея — Амирана, как его называют в Грузии, — связана с Кавказскими горами.

Я рад тому, что писатель смело взял широкую тему, великодушно описав предков: их ошибки и подвиги и ошибки их врагов; и тем призвал народы к миру и пониманию друг друга...». Виктор Шкловский о романах Г. Абашидзе

Обнять весь мир.
Забуть, что он громаден.
Как в малой капле, отразиться в нём.
Работа — мост из шатких перекладин,
А молодость — всегда игра с огнём.
По шаткому — беги! Чтобы окрепло
Твоё дыханье в муках и в пыли.
Сгори дотла, стань бедной горстью пепла.
Но берегись — крыла не опали!..
Перевод П. Антакольского

Я — ПОКОЛЕНЬЕ (отрывок)

В двадцать первом ли,
в более позднем ли веке,
Мой ровесник, товарищ,
к тебе я приду.
Среди книг,
в древней дремлющих библиотеке,
Ты найдешь и мою
в запыленном ряду.
Словно тополь,
на цыпочках,

вытянув шею,
Поднимусь
и на друга сквозь время взгляну.
Как в легенде,
в грядущем ожить я сумею,
Раздвигая протекших годов старину...
Пусть придет к тебе книга моя
среди книг.
Ты прочтешь —
и о жизни узнаешь ты краткой
И о месте моем,
назначенье простом.
Я шагал впереди,
начиненный взрывчаткой,
И прошел ты по мне,
ибо был я мостом.
Кто отступит на миг,
вдруг почувствовав робость,
Кто предаст
моего поколенья мечту,
Тот взорвется на мне,
рухнет в мрачную пропасть,
Тот в грядущие дни
не пройдет по мосту.
Посмотри:
победили мы косность и тленье,
Одолели преграду
веков и часов.
Позови — и услышишь:
мое поколенья
Звоном сердца
на твой откликается зов.

«Я родился в шинели, я в ней и умру!»

ШАРИФ БИККУЛ

Классик башкирской литературы Шариф Биккул (настоящее имя Биккулов Шариф Сагадатуллович) родился 28 мая 1924 года в деревне Карламан Башкортостана.

С 1942 по 1945 год Шариф Биккул шагал по огненным дорогам Великой Отечественной войны.

Супруга поэта Райса Миркасимовна вспоминала: «Шариф воевал в артиллерии. Однажды его контузило. Пока санитары нашли его, он уже примерз к земле. Сильно застудился. С тех пор его мучили дикие, нечеловеческие боли в суставах. Потом была вторая контузия. После нее он три месяца пролежал в госпитале без языка, без слуха. А дома мать оплакивала его как погибшего. Дело в том, что когда похоронная команда собирала потери, его приняли за мертвого и поспешили отправить извещение о гибели домой...».

Лейтенант Шариф Биккул на фронте командовал взводом и находился в действующей армии до тяжелого ранения в декабре 1944 года. Его фронтовые заслуги отмечены орденами Отечественной войны I степени, Красной звезды, боевыми медалями, в том числе медалью «За отвагу».

Впоследствии в свой роман «Мы еще проживем» Шариф Биккул включил автобиографический эпизод — когда считавшийся погибшим солдат возвращается домой, ему не открывают дверь, не поверив, что это родной сын.

Окончив Севастопольское военное училище зенитной артиллерии, которое тогда находилось в Уфе, в звании лейтенанта он ушел на фронт. В составе 3-го Белорусского фронта будущий писатель участвовал в боях за освобождение Смоленщины, городов и сел Белоруссии и Литвы.

Боевые заслуги Шарифа Биккула отмечены орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, многими медалями.

В первый его сборник «Стремление», вышедший в 1947 году, вошли стихи, написанные в военные годы и объединенные пафосом борьбы против фашизма, гордостью за героический советский народ, отстаивший независимость Родины.

Яугир-шагир (солдат-поэт) Шариф-агай Биккулов

Если трусостью в сраженье
Сердце согрешит,
Пусть тогда меня сыновства
Родина лишит.
Если я нарушу дедов
И отцов завет –
Мне от матери прощенья,
Снисхожденья – нет!
Шариф Биккул

Друг Шарифа – известный поэт Газим Шафиков отмечал: «Как у многих фронтовых поэтов, военные стихи Биккула носят своеобразный дневниковый характер, что вполне закономерно. После очередного боя измученный боец склоняется над своим заветным, обтрепанным блокнотом. Он погружен в смятенный, кипящий омут своих мыслей и чувств, спешит выплеснуть поскорее все это на бумагу... Но внизу не забывает записать: «Восточный фронт. 1943, август». «Полевой госпиталь, 1944», «Неман-Длитус, 1944» ...Может быть, он делает это механически, почти бессознательно. Но каким важным документом становится это потом, по прошествии многих лет!»

В стихотворении «Песни мои» поэт написал, что для него представляют его стихи, и что – его песни. Это стихотворение он прочитал на одной из встреч с воинами:

Песни мои – заклинанье души.
Муки, стенанья, отчаянья раны,
Пламень, не знающий фальши и лжи,
Полубезумье любви моей странной.
В песне любой обозначен мой вздох,
В песнях – мое естество и отрада.
В них – воздыханье, и слово, и слог,
Ярость презренья, отлаженность лада;

Сердца опора и рвущийся стих –
Все это, все это — в песнях моих!

Через многие испытания прошел поэт-фронтовик и в мирное время. К фронтовым наградам прибавился орден «Знака Почета» за пьесу «На заре», поставленную на сцене Башкирского академического театра драмы имени Мажита Гафури.

Автобиографический роман «Мы еще проживем» посвящен трагедийно-драматическим событиям Великой Отечественной войны, раскрытию величия подвига советского солдата. Повествование ведется от лица старшего лейтенанта Иршата Салимгареева, демобилизованного после тяжелой контузии. По пути домой Иршат сталкивается с самыми разными людьми. Одни сразу привлекают его внимание, другие остаются для него чужими. Большинству людей, встретившихся на пути Иршата, присущи беззаветная преданность Отечеству, готовность отдать все силы победе над врагом.

Он писал «лейтенантскую прозу»

КОНСТАНТИН ВОРОБЬЕВ

В 1943 году Воробьев возглавил партизанскую группу, в которую вошли бывшие военнопленные, сумевшие бежать из плена. Его группа входила в состав партизанского отряда, действовавшего близ города Шяуляй (Литва).

Он писал «лейтенантскую прозу». Именно таким емким определением назвали критики произведения Константина Воробьева, известного писателя. Он мечтал написать большой роман, но как-то не сложилось, зато его повести и рассказы настолько глубокомысленные и интересные, что их хочется перечитывать несколько раз, и каждый раз находить в них что-то новое, которое сразу и не заметил.

О том, что с ним происходило в плену, писатель рассказал в своей первой повести «Это мы, Господи!..», которой был предпослан эпиграф из «Слова о полку Игореве»: «Лучше быть убиту от мечей, чем от рук поганых полонену». В ней он излил, исторг из себя на бумагу все пережитые унижения, всю боль и ужас плена.

«...Лишь на седьмые сутки жизни в этом лагере Сергей получил шестьдесят граммов хлеба. У него хватило сил ровно столько, чтобы простоять пять часов в ожидании одной буханки в восьмьсот граммов на двенадцать человек. Диким и жадным огнем загорались дотопе равнодушно-покорные глаза человека при виде серенького кирпичика. [...]

Известный советский писатель, самый яркий из всех представителей «лейтенантской прозы». Участвовал в Великой Отечественной войне, имел звание лейтенанта. В 1941 году попал в плен, где пробыл до 1943 года. С 1943-го по 1944-й годы командовал партизанской группой, потом был назначен начальником штаба противовоздушной обороны в городе Шяуляй.

Два раза предпринимал попытку побега. Вторая попытка оказалась успешной, Константин бежал 24 сентября 1943 года, прямо в свой день рождения, который стал называть вторым рождением.

Сергей видел, как курносый парень из его шеренги бережно и осторожно, как что-то воздушно-хрупкое и святое, принял из рук полицейского буханку хлеба. Смешно расширенными глазами глядел он на нее, покачивая в заскорузлых, давным-давно не мытых руках. [...]

Раздевшись, парень разостлал шинель, положил на нее хлеб. Одиннадцать человек сверлили глазами этот жалкий бугорок серой массы, терпеливо ожидая конца священнодействия орловского хлебороба.

Не так-то просто разрезать буханку хлеба! Из восьмисот граммов должно выйти двенадцать кусочков, но ровных, абсолютно ровных по величине. Крошки, размером в конопляное зерно, должны быть тщательно подобраны и опять-таки поровну разложены на двенадцать частей.

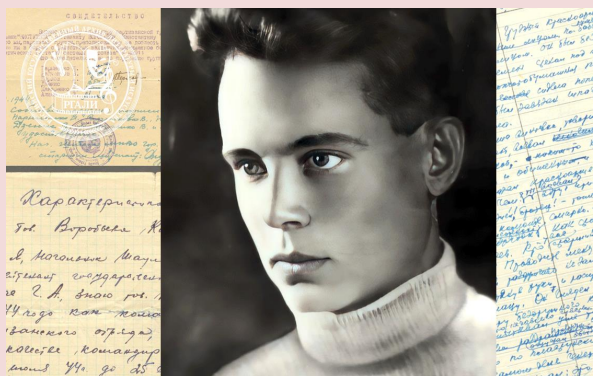
Сергей наблюдал за ножом и худым грязным лицом разрезающего хлеб и не мог понять: то ли желтоватые скулы орловца двигаются в такт ножу, то ли он нагнетает слюну, предвкушая горьковато-кислый хлеб...

– Ну как, братва, равна? – спросил парень, закончив раскладку крошек.

– Вон там от горбушки надоть...

– Добавить суды...

– Ну, будя, будя! – проговорил парень. – Теперя становитесь по одному, чтоб номера помнить».

Лагерь военнопленных сменяли один другой... По дороге в Каунасский лагерь Константин Воробьев предпринял первую попытку побега.

Вскоре он был задержан полицией и доставлен в тюрьму гестапо в Паневежисе. Затем был Саласпилский лагерь смерти... «Знаменитый Саласпилский лагерь под

Ригой, где, в косячке соснового леса, все сосны, сколько может дотянуться рука человека, обглоданы военнопленными от коры — а выше того на стволах кора осталась»; потом лагерь в Шауляе.

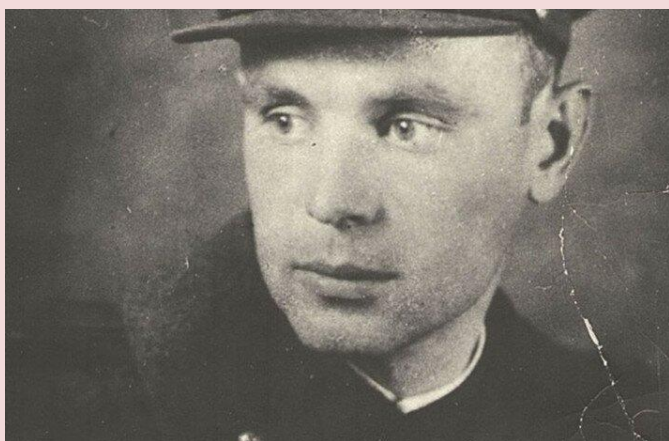
На исходе второго года плена Воробьев решился на новый побег. Решимости придало знакомство с будущей женой Верой Дзените. Он встретил ее, когда в составе группы заключенных шел на работы. Рискнул заговорить и, спросив ее имя и адрес, пообещал найти. «Он стоял, освещенный солнцем, высокий, решительный... Высокий лоб, ослепительная улыбка, энергичные жесты — все говорило о его необыкновенной исключительности. Таким он запомнился на всю жизнь», — вспоминала позднее Вера Воробьева.

Сразу после войны Воробьев отправил свою повесть «Дорога в отчий дом» в редакцию журнала «Новый мир». Но произведению о немецком плене не было места на страницах советского журнала. Долгое время рукопись повести считалась утраченной, и лишь в 1986 г. она была обнаружена в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) в архивном фонде «Нового мира». В том же году вдова писателя смогла опубликовать ее в журнале «Наш современник», где она и получила название «Это мы, Господи!..».

Главная военная повесть писателя – «Убиты под Москвой», которая была опубликована в «Новом мире» в 1963 г. Написанные с разницей почти в двадцать лет, повести «Это мы, Господи...» и «Убиты под Москвой» составили своего рода дилогию, объединенную трагической судьбой одного героя. В центре повести – история гибели роты кремлевских курсантов во время обороны Москвы осенью 1941 г. Трагедия молодых кремлевцев и их командира капитана Рюмина, увиденная глазами командира взвода, лейтенанта Алексея Ястребова.

Эпиграфом для этой повести Воробьев избрал знаменитые строки А. Твардовского из стихотворения «Я убит подо Ржевом».

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам – все это, живые.
Нам – отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, –
Вы должны его знать.
Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье –

Эта кара страшна.

Самые проникновенные слова о Константине Воробьеве принадлежат Евгению Носову – писателю-фронтовику, хорошо знавшему цену «окопной» правды его произведений: «...Сквозь его взволнованные страницы еще заочно угадывается человек, наделенный личной отвагой, пламенным гражданским мужеством,

взрывным зарядом темперамента и самопожертвования, чутким и ранимым сердцем, в чем я и убедился уже потом, при близком знакомстве с писателем.

Константин Воробьев любил работать в горячем цехе, со словом, которое только что из пламени пылающего воображения. Оно еще дышит жаром, стреляет колкими искрами, обжигает самого мастера, и тот, благоговей над ним, испепеляющим, непокорным и прекрасным, размашисто, пока еще не остыло, гранит его на звонкой наковальне... На этом огне он и сгорел преждевременно, так и не дочеканив заветных своих страниц».

Смертны ль наши души?
Ты, однако, с выводом,
как лектор, не спеши.
Там, на нарах третьего барака,
он познал бессмертие души.

Есть она! Как тело ни промерьте,
как ни раздевайте догола...
Разумом смирился он со смертью,
но душа смириться не могла.

Такие строки поэт Корнеев посвятил К. Воробьеву.

«Мой лейтенант»

ДАНИИЛ ГРАНИН

К Великой Отечественной он, ее участник, обращался не единожды. Так, в повестях «Наш комбат» и «Клавдия Вилор» Гранин размышляет и о героическом поступке человека на войне, и о том, чего стоит человеку верный выбор пути. В монументальной и, по сути, первой честной книге о ленинградской блокаде, построенной на размышлениях над дневниками и мемуарами выживших горожан, собранной и созданной Граниным вместе с другим выдающимся писателем военной тематики, Алесем Адамовичем, воссоздана документальная эпопея 900-дневной истории мужества и страданий, жизни вопреки смерти жителей великого города.

«Я подумал, что надо написать про мою войну. А начав, я понял, что война с Победой не закончилась — вдовы, беспризорные, разрушенные города. Но, самое главное, мы до сих пор чувствуем себя сиротками, слишком глубокий след она оставила в нас...

У Твардовского есть замечательное стихотворение об этом «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны...» и оно заканчивается этим безысходным «но все же, все же, все же...».

«Моего лейтенанта» Даниил Гранин написал в 95-летнем возрасте, как бы окидывая прощальным умудренным взором самый яркий период своей молодости и молодости своей страны — предвоенные, военные и первые послевоенные годы.

Даниил Гранин в годы Великой Отечественной войны добровольцем ушёл на фронт, воевал в составе дивизии народного ополчения на Ленинградском фронте. Гранин был не только участником обороны Ленинграда, но и свидетелем первых месяцев страшной блокады.

Впоследствии Гранин был отправлен в военное училище, стал танкистом и завершил войну в должности командира роты тяжёлых танков.

Эпиграф романа звучит так:

«— Вы пишете о себе?

— Что вы, этого человека уже давно нет».

И тем не менее Даниил Гранин рассказал о себе. О том, как мальчишкой чуть за двадцать пошёл на войну, как воевал, мобилизовался, жил после Победы. Возможно, в книге есть какой-то вымысел, но, начиная с общей хронологии событий и заканчивая именами жены и дочери, совпадения полные. Повествование и выглядит как мемуары, хоть и рассказанные в художественной форме. Гранин не просто описывает события, он описывает внутреннее состояние гражданского человека, который попал в мясорубку, состояние страха, животного ужаса, стыда за бегство и беспомощность, тягот изнуряющего отступления. Гранин показывает, как меняется человек в этих условиях. Всё, рассказанное автором, — пережито им. Он честен и бескомпромиссен. Ценность книги в её документальности.

Главный герой — молодой ленинградский инженер ОКБ у Ж.Я. Котина, главного конструктора танков. Настойчиво и упорно парень снимал бронь, рвался на фронт. Получилось. Попал в Народное ополчение, в составе полка отправился в эшелоне на фронт. В это время фашисты уже вовсю рвались к Ленинграду.

Уехать далеко не успели, в Ленинградской области поезд попал под штурмовую бомбёжку. Так оглушительно и страшно началась для новобранца война: «Комья земли сыпались на голову. Новый заход. Звук пикирующего самолета расплющивал меня. Последний миг моей жизни близился с этим воем. Я молился. Я не знал ни одной молитвы. Я никогда не верил в Бога, знал всем своим новеньким высшим образованием, всей астрономией, дивными законами физики, что Бога нет, и тем не менее, я молился».

На одной из читательских конференций Даниилу Гранину задали философский вопрос:

— Я, наверно, принадлежу к тем людям, которые прочитали всё, что вы издали... Я прошу вас разрешить одно противоречие, мысль, которая меня мучит. Когда произошёл слом, антропологический, внутри русского человека,

и он стал каким-то не таким? Если мы посмотрим войну, что было там? Вспоминая текст Эренбурга «Война», который услышал каждый солдат. Агитационная, так сказать, литература. Как раз это текст – «Убей немца!». Не там ли тонкая ниточка с христианством, когда перелом нравственности в русском солдате позволил ему вести войну не по закону Христа, а по закону «смерть за смерть»?

Даниил Гранин:

– Я не знаю. Может быть, это правильный вопрос. Но, может быть, этот вопрос не для нас, не для тех, кто воевал. Значит, было дело так. Мы, когда пришли на войну, это было в начале июля месяца сорок первого года. Мы, когда пришли на войну, мы очень хорошо относились к немцам. Мы были морально и физически обезоружены. Только что Молотов целовался с Риббентропом, и потом Сталин целовался... Причём, мирный договор ещё был. И мы воспитывались на этом. Карл Маркс, Карл Либкнехт... С этим воевать было невозможно. Надо было возненавидеть. Глупость и большая ошибка немцев, что они нам быстро помогли в этом. Они жгли деревни, они уничтожали людей, расстреливали... жестокость существовала. И мы постепенно возненавидели их, и нам стало легче воевать. Это было необходимо.

Не знаю, как лучше это объяснить. Поймёте ли вы это. Когда не так давно было в школе обсуждение этой книги «Мой лейтенант», одна школьница встала и спросила меня: сколько людей вы убили? Мне впервые сказали, что я убивал людей. Потому, что я не людей убивал, я убивал немцев-противников, врага убивал. А она спросила про людей. Да, мы перешли этот Рубикон, не могли не перейти. Это была жестокая, тяжелейшая необходимость войны. Без этого воевать мы не могли. И без этого не воюют. Вот что я думал сказать».

И не удивительно, что роман заканчивается сценой, где главный герой показывает немцу Петербург в послевоенное время и приглашает к себе обедать. Они разговаривают, как два приятеля, хотя раньше воевали по разные стороны баррикад! И когда они прогуливаются ночью по городу, то вместе приходят к тому, что этот город чудо и что, как было бы ужасно если бы тогда его захватили немцы.

«Надо уметь прощать,
но надо уметь и помнить».
Даниил Гранин

Честность и действенное участие в судьбах Родины сделали творчество Гранина настоящим явлением отечественной литературы, увековечив его имя для будущих поколений. Он прожил в литературе неповторимый век и оставил большую память о себе. Писатель, публицист, общественный деятель, инженер, ученый, воин... Не случайно его называли человеком-планетой.

Он был так прочен, как гранит.
И бесконечно многогранен.
Умел жить смело, без границ...
Умён, талантлив и титанен...
Елена Жукова-Желенина

«Солдат с душой романтика»

ЮЛИЯ ДРУНИНА

В одном из боёв Юлю ранило осколком снаряда в шею. Она не поняла серьёзности раны, просто перебинтовав шею, и продолжила спасать чужие жизни. В какой-то момент силы вдруг оставили её, ушло сознание. Она очнулась на больничной койке, а склонившийся над ней врач только покачивал головой. Осколок находился в нескольких миллиметрах от сонной артерии — ещё чуть-чуть, и конец.

Войну она закончила старшиной медицинской службы с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» на груди.

Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне,
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в день Победы было б стыдно мне!

Поэт Лев Озеров писал: «В конце войны я получил две тетради, сплошь заполненные стихами. Мне сказали, что автор — санинструктор, на фронте была ранена... Перечитав стихи, я выделил особо три миниатюры. Вот, Юля, главные стихи. Стихи-магниты. К ним потом присоединятся многие другие. Держитесь за эти стихотворения. Строительный материал надолго. Это ворота в ваш мир».

Юлия Друнина среди писателей-фронтовиков занимает особое место. Ей удалось показать войну глазами женщины, не просто попавшей в огненный вихрь, но и сделавшей для Победы всё, что было в её силах.

Работа медсестры на фронте — спасать израненных, искалеченных мужчин, которых нужно выносить с поля боя под вражеским огнём. И юные девочки выносили, спасая сотни, тысячи жизней, а когда было нужно, сами вступали в бой с безжалостным, страшным врагом.

Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки бегут
Торопясь,
Все тесней эта связь,
Я — связная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя
Остался мой стих --
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.
Я — связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу:
«Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт,
Даже тот,
Кто в безвестной могиле лежит».

«В начале сорок пятого года у меня случилось большое для начинающего поэта событие — в журнале «Знамя» напечатали подборку моих стихов», — писала Юлия Друнина в автобиографической повести «С тех вершин». — О них сразу же заговорили, как о ярком явлении не только в нашей молодой фронтовой поэзии, но и в военной поэзии вообще».

Ветераны в двадцать с лишним лет
Начинали жизнь свою сначала
И считали звание «поэт»
Много выше званья генерала.

В воспоминаниях Юлии Друниной нет пафоса или какой-то причесанной правды. Она откровенно пишет о том, как впервые увидев танк, как и другие люди, бежала от него, думая о том, что если уцелеет, то никогда больше не вернется на войну.

До сих пор, едва глаза закрою,
Снова в плен берёт меня война.
Почему-то нынче медсестрою
Обернулась в памяти она:
Мимо догорающего танка,
Под обстрелом в санитарный взвод,
Русая курносая славянка
Славянина русого ведёт.

О ней заговорили как об одном из самых талантливых поэтов военного поколения. В 1945 г. ее стихи опубликовали в журнале «Знамя», через три года вышел ее сборник «В солдатской шинели». До конца 1980-х гг. она выпустила еще несколько сборников, во всех учебниках были ее стихи: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». На ее стихи Александра Пахмутова написала песни «Походная кавалерийская» и «Ты – рядом».

После войны Юлию Владимировну пригласили в ФРГ. Во время поездки по Западной Германии ее спросили:

«Как Вы сумели сохранить нежность и женственность в такой жестокой войне?» Она ответила: «Для нас весь смысл войны с фашизмом состоял именно в защите этой женственности, спокойного материнства, благополучия детей, мира для нового человека».

До сих пор не совсем понимаю...
Как же я и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.
И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?
Что гадать! – Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

На ее долю выпало немало испытаний, которые она перенесла с неженской стойкостью и мужеством. Она не смогла выжить в мирное время и смириться с распадом СССР. В конце 1980-х она отстаивала права фронтовиков и даже баллотировалась в Верховный Совет СССР. Но очень скоро она разочаровалась в депутатской деятельности, а распад Союза Друнина восприняла как личную трагедию и крах идеалов всего ее поколения, прошедшего через войну.

Только как позабуду
Отчаянных, гордых
Молодых лейтенантов,
Солдатиков юных?..

Стихотворение «Полжизни мы теряем из-за спешки» Юлия Друнина написала ещё в середине прошлого столетия. Но актуальности оно не теряет и сегодня. Мало того, можно смело говорить о том, что стихотворение это в новом веке звучит с новой силой и понятно абсолютно всем.

Полжизни мы теряем из-за спешки.
Спеша, не замечаем мы подчас
Ни лужицы на шляпке сыроежки,
Ни боли в глубине любимых глаз...
И лишь, как говорится, на закате,
Средь суеты, в плену успеха, вдруг,
Тебя безжалостно за горло схватит
Холодными ручищами испуг:
Жил на бегу, за призраком в погоне,
В сетях забот и неотложных дел...
А может главное — и проворонил...
А может главное — и проглядел...

Музу Юлии Друниной можно назвать сестрой милосердия. Эта поэтесса воплотила в себе образ былинной русской женщины. Ей, 17-летней девушке, шла лихо сдвинутая набекрень пилоточка. На фронте бойцы ласково звали ее Друней. При этом они, конечно, не задумывались, что тем самым воскрешают глубинный смысл ее древнерусской фамилии: «Друня» — уменьшительная форма от древнеславянского слова «дружина». Дав такой эпиграф-пояснение к одному из своих стихотворений, Юлия через несколько лет напишет:

Пролетали, как миг, столетья,
Царства таяли словно лед...
Звали девочку Друней дети -
Шел тогда сорок первый год.
В этом прозвище, данном в школе,
Вдруг воскресла святая Русь,
Посвист молодца в чистом поле,
Хмурь лесов, деревенок грусть.
В этом имени — звон кольчуги,
В этом имени — храп коня,
В этом имени слышно:
— Други!
Я вас вынесу из огня!..

«Я не был героем войны, я ее труженик»

МУСТАЙ КАРИМ

Поэтический талант М. Карима полнее раскрылся в годы Великой Отечественной войны. Поэт, находившийся с самого начала и до конца войны на фронте, сумел передать мысли и чувства советских воинов в ярких, глубоко лиричных картинах.

Его стихотворение «Я ухожу на фронт», написанное перед отъездом на войну, прозвучало клятвой одетых в шинели советских людей.

Отец привел мне своего коня.

Скакун дрожал, он был горяч на диво,

Копытом землю бил нетерпеливо,

А мать вручила дедовский клинок,

Чтобы за павших отомстить я мог.

Я ухожу, товарищи, на фронт.

Отец, пускай в семье никто не тужит,

И Дкбузат мне верной правдой служит,

Клинок, слезой твоей омытый, мать,

Меня в сраженьях будет защищать.

Я ухожу, товарищи на фронт.

Чтоб стариков текла спокойно старость,

Чтоб нашим девушкам краса осталась,

Чтоб наш Урал всегда стоял могучий,

Чтобы над Белой не сгущались тучи.

Товарищи, я ухожу на фронт

За ту весну, что навсегда настанет,

За светлый сад, которым край наш станет,

За маленького сына моего

И родины любимой торжество.

В мае 1942 г. в звании младшего лейтенанта был направлен в 17-ю мотострелковую бригаду начальником связи артдивизиона. 25.08.1942 под г. Мценском был тяжело ранен. Около полугода находился в госпиталях. С марта по май 1943 г. служил сотрудником фронтовой газеты «За честь Родины» (Воронежский фронт). Оттуда отозван в резерв ГлавПУ РККА, в августе направлен во фронтовую газету «За честь Родины» на 3-м Украинском фронте. Закончил войну в Вене. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями.

Одну свою книгу, вышедшую в годы войны, М. Карим назвал «Мой конь». В большинстве стихотворений этой книги, написанных на фронте, отводится значительное место показу физической и духовной силы, мужества бойцов-кавалеристов. Близкое общение с бойцами разных подразделений помогло поэту глубже раскрыть характер советского человека на войне.

Несмотря на то, что большинство стихотворений М. Карима, созданных в 1942-1944 годах, было написано в фронтовых условиях под взрывы бомб, в дни тяжелых боев, его поэзия этих лет не броска, не криклива. Душа поэта переполнена чувством мести и ненависти к врагу, но в стихах нет злой ярости. Его поэзия, как и его герой, раздумчива, лирична. Он не стремится пересилить гул орудий, грохот войны. Напротив, его лирика сильна своим тихим, спокойным, некрикливым тоном.

Земля в дыму. А в небе раскаленном
Катился солнца огненный клубок.
На косогоре я лежал зеленом
Орловщины – не чуя рук и ног.

Нет боли... Лишь в груди железо тлею.
Лежал я, оглушенный тишиной.
И колыбельную мне мама пела –
Ты, давнюю, – склоняясь надо мной...

У Мустая Карима спросили, скучал ли он по людям, с которыми довелось служить на войне. «Да, – ответил поэт. – Особенно, и неожиданно для себя я скучал по одному командиру батальона, с которым вместе воевал. По комбату Шарикову. Он с первых дней Великой Отечественной очутился на фронте, был старше меня лет на 5–6. Помню, когда меня ранило, Шариков склонился надо мной и сказал: “Хоть немножко отдохнешь”. Я поразился тогда – идет бой, мне нехорошо от одной мысли, что я из него выхожу, и как дышать, когда другие воют. А он так искренне сказал: “Немножко отдохнешь”». А спустя десятилетия, 23 февраля 1993 года, Мустай Карим выведет замечательные слова: «Я всего несколько раз был при смерти, а смерть всегда при мне».

В одном из своих интервью он с болью в душе высказался вполне определенно, показывая свое отношение к событиям, происходящим в стране в 80–90-е годы XX века: «Я дважды был ранен и трижды умирал. И потому считаю себя вправе выразить свое возмущение тем, что некоторые недалекие люди пытаются недооценить величие солдатского подвига. Никакой ревизии и переоценке он не подлежит...».

Рожденный дважды, многократно
Живу... Под вечер – платы срок.
Пусть жизнь, по сути, неоплатна –
Плачу за все, что дал мне рок.

Поэт, «рожденный дважды», на всю жизнь, наверное, запомнил солнце, которое видел в минуты, когда лежал на поле тяжелораненый.

«Долгое-долгое детство» начинается со строк: «Оказывается, я еще жив. Вижу льдисто-синее застывшее небо, медное солнце, примерзшее к этой синеве. Кто-то швыряет камни в его помятый диск, и солнце вздрагивает – дон, дон, дон... Видать, и сну уже недолго осталось, скоро отвалится». А в поэме «Черные воды» находим эту строфу:

И солнце, перед ночью отступая,
В крови горячей захлебнулось вдруг
И, капельками красными стекая,
Обрызгало весь небосвод вокруг.

Поэт-фронтовик до последних дней своей жизни главным праздником считал 9 Мая — День Великой Победы.

«ДЕВЯТОЕ МАЯ»

Страна родная! В небо вознеслись
Знамена твоей выстраданной славы.
Огонь салютов, озаряя высь,
Пылает над планетой величаво.
Я в час такой взываю к небесам
Или, теряясь, никну вдруг в мгновенье...
То будто свет я излучаю сам,
То сам себе кажусь я только тенью.
Поклон земной — пусть свет я или тень —
Тебе за все, что мне наворожила.
Ты верила в меня в свой черный день,
Часть бед на плечи мне переложила.
Как к службе строевой, был годен я
К утратам, тебе выпавшим на долю,
И годной оказалась кровь моя
Для орошенья страждущего поля.
По мне была и горькая вода
Твоя, и черствая краюшка хлеба,
Твое терпенье, и твоя беда,
И черным дымом устланное небо.
За воздаянье кланяюсь, Земля,
Делам ты впору цену назначала,
Не утопила в горечи — хуля,
Хваля — меня на царство не венчала.
Не унижала, в долг давая мне
Хлеб, соль, награды и почет немалый...
Поверь, несчастным был бы я вдвойне,
Когда бы в долг ты счастье мне давала.

2020

«И я вступил на путь бойца. И нет пути тому конца».

АЛИМ КЕШОКОВ

Первый сольный сборник стихов «У подножия гор» уже находился в типографии. Жизнь была прекрасна. Но календарь перевернулся. 22 июня 1941 года.

Сначала была оборона побережья Черного моря от возможного десанта. Потом Алима Кешокова назначают командиром взвода в заново сформированную 115 Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию. Ее сформировали по национальному признаку из отважных джигитов и бросили защищать от немецких танков Сталинград.

Вой снаряда – и падаем снова,
Так с боями полмира прошли,
Смерть к земле прижимала, а слово
Отрывало опять от земли...

Алим Кешоков – кабардинский поэт, прозаик. Во время Великой Отечественной войны служил в Красной Армии кадровым офицером (1941–1945). После выписки из госпиталя участвовал в освобождении Донбасса, Запорожья, Мелитополя, Крыма, Прибалтики. Его героизм и мужество на полях сражений высоко оценила Родина: орден Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За оборону Сталинграда». И в самые страшные мгновения войны Кешоков хранил в своём сердце любовь к родной земле, приверженность возвышенному слову.

Кавалерийская дивизия стояла насмерть против танков и мотопехоты. Алим сказочно повезло: 5250 бойцов было в дивизии, осталось 365. Вот как сам Кешоков вспоминал: «В те дни я подумал: «Триста шестьдесят пятый – это я». И сам себе поклялся: «Останусь в живых – поведаю потомству об этих днях». В какой форме удастся это сделать, я еще не знал. После войны я долго вынашивал свой замысел». Этот замысел превратился в роман «Сломанная подкова – правдивый и искренний рассказ о войне, о трагедии народа. Название романа А. Кешокова символично. По народному поверью подкова, прибитая к порогу, должна принести счастье.

Алим Кешоков и Кайсын Кулиев встретились на фронте в 1943 году. Они были почти ровесниками: одному было 29 лет, другому – 26. До войны они не были лично знакомы, а знали друг друга лишь по стихам, которые появлялись в местной печати. Породнила их, связав узами дружбы и боевого братства, Великая Отечественная война, когда они шли вместе тяжёлыми фронтовыми дорогами по волжским просторам, украинским степям и крымской земле, истерзанной боями.

«Мы горской песни два крыла», – напишет позже о себе и о друге Алим Кешоков.

Соседство и фронтовое братство скрепили кровью: в бою под Севастополем Кайсына ранили, и Алим вынес его из боя.

«Кровь его залила мне одежду так, что невозможно было разобраться, чья она – моя или друга», – так вспоминал Кешоков.

А. Кешоков ничего не забыл из тех военных лет, когда они вместе несли военную службу, которая длилась почти всю войну. Спустя несколько лет в стихотворении «Кайсыну Кулиеву» А. Кешоков писал:

И подняла одна тревога
Нас одного с тобой числа,
Одна жестокая дорога
В одно сраженье увела.
И как назначено судьбою,
Мы горской песни два крыла

И одного ружья с тобою
Два неразлучные ствола.

Поэзии Алим Пшемахович верно служил всей своей огромной и щедрой душой.

Но не только поэзии: за 60 лет творческой деятельности им были созданы десятки поэтических произведений и книг прозы, многократно изданных и переведенных на многие языки мира. Его романы «Вершины не спят», «Сломанная подкова», «Восход луны», «Грушевый цвет», «Сабля для эмира» — эпические полотна народной жизни. Все свое внимание и мастерство А. Кешоков сосредоточил на людях, преданных до конца великому делу освобождения Родины от фашистов: они обладают героическим характером.

НЕ ЗАВЕРШЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Нелегко художнику-солдату,
Краток на путях войны привал, —
Наш товарищ фронтовой когда-то
Нас в часы досуга рисовал.

Кто хотел послать портрет невесте,
Кто родных порадовать спешил:
— Нарисуй меня, но честь по чести,
Безбородым, как до фронта был.

И художник на клочках бумаги
Рисовал, досуга не ценя.
Как-то раз в одном глухом овраге
Рисовать он начал и меня.

Ранят иль убьют бойца, но дома
На стене висит его портрет
И одной улыбкою знакомой
Утешает в том, что писем нет.

День настал — погиб солдат-художник,
Мой портрет закончить не успел,
Не узнал конца путей тревожных...
Нет бойца, а вот рисунок цел.

Он хранится в небольшой тетради.
Это память друга моего...
На портрет незавершенный глядя,
Не себя я вижу, а его.

1945

«Исходит кровью сорок первый год, Как раненый волками жеребенок»

МИХАИЛ КИЛЬЧИЧАКОВ

Михаил Еремеевич Кильчичаков — известный хакасский поэт и драматург. Он родился 27 ноября 1919 года в улусе Верхняя Тея Аскизского района Хакасской автономной области.

С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. он на фронте в составе 634-го стрелкового полка 119-й стрелковой дивизии. В октябре 1942 г. после тяжелого ранения (ампутация руки) был демобилизован и возвратился в Абакан. Окончил Абаканский государственный учительский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. За воинское бесстрашие, проявленное в годы Великой Отечественной войны, полную творческую отдачу, профессионализм, активную общественную работу Михаил Кильчичаков награжден орденами и медалями. Награжден медалью «За отвагу» и орденами.

«Третьего октября 1941 года во время боя был тяжело ранен командир взвода Чаплыгин, командование взводом принял Кильчичаков, сдерживая наступление немцев в течение четырех суток на деревню Люблинка. После того, когда выяснилось, что взвод отрезан от своей части [...] с боем вышел из окружения.

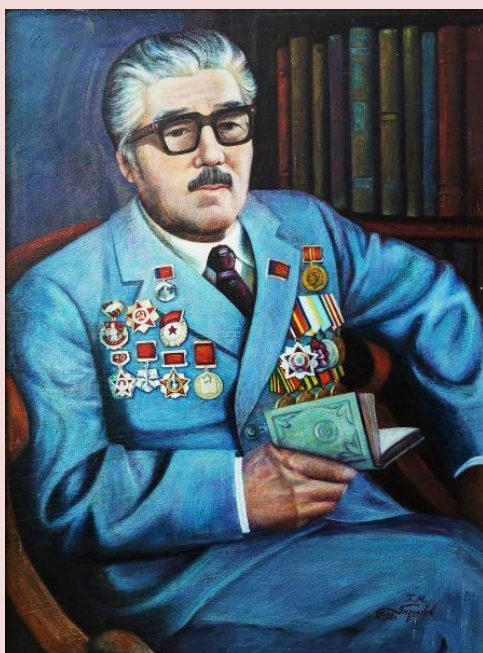
Десятого октября 1941 года в районе города Ржев во время контратаки (в рукопашной схватке) сержант Кильчичаков получил тяжелое ранение — был ранен в упор в левую руку и левое плечо».

Боевое крещение сержант Кильчичаков получил в советско-финской войне и Великую Отечественную встретил на боевом посту. Михаил Еремеевич отважно сражался с противником на Калининском фронте в стрелковой дивизии, находился в самом пекле боевых действий, успешно выполнял разведку огневых точек противника. В тяжелейшем для Красной армии сражении под Ржевом он получил тяжелые ранения.

Это записано со слов самого Михаила Еремеевича в октябре 1945 года военным комиссаром Дбакана. Ходатайство о награждении бывшего разведчика орденом Славы I степени поддержало областное руководство. На бланке стоит подпись полковника Ивана Лукьяновича Зубкова, легендарного «военкома Победы», с которым Хакасия встретила весну сорок пятого. Однако в штабе СВО, изучив документы, вынесли иной вердикт. Вместо ордена Славы Кильчичаков в ноябре 1947 года награжден медалью «За Отвагу». Позднее, правда, будут и другие. «За оборону Москвы». «За победу над Германией». Орден Великой Отечественной войны I степени.

Его первое произведение – героическое сказание «О богатыре Биль-Таране» – было опубликовано в 1944 году. Позднее было издано несколько сборников стихов на хакасском и русском языках. Широко известны стихотворения «Сказание о двух реках», «Старая лиственница», «Баллада о бревнах», «Сосна», «Клятва».

Портрет хакасского художника
Павла Богояркова

«Клятва» (отрывок)

...Я вижу снова вихри непогод.
Земля изрыта язвами воронок.
Исходит кровью сорок первый год,
Как раненый волками жеребенок.
Я был тогда безусым...
Но успел я
Сквозь дым атак пройти уже не раз;
Когда под Ржевом смерть в глаза смотрела,
Случайный дуб меня от смерти спас.
Широкой грудью принял он гранату,
Врагами предназначенную мне.

Тема войны красной нитью проходит через все творчество Михаила Кильчичакова. Он рассказывает о солдатской дружбе, скрепленной огнем и кровью.

Орлу с крылом подбитым, во все дни
Не разлюбить просторы вышины

Вернувшемуся без руки солдату,
Не позабыть кровавый гром войны.

Фронтовик, театрал с академической базой Литературного института, талантливый рассказчик, обладавший неповторимым артистическим стилем с национальным колоритом. Михаил Кильчичаков — известный исполнитель хакасских сказаний, народных песен, автор десяти сборников стихов и драматических произведений, переведенных на многие языки мира. Он учился у хайджи (мастер горлового пения) играть на чатхане (хакасский народный струнный щипковый музыкальный инструмент), освоил горловое пение, был другом всех хайджи в Хакасии. Он написал яркие по стилю и смыслу пьесы «Всходы», «Медвежий лог», «Ожившие камни», поставленные на сценах многих театров страны.

Вот одно из лучших его стихотворных произведений? — «Старая лиственница»:

Пусть в полёт устремляются наши птенцы,
Мы в дорогу проводим подросших орлят.
Пусть с высот нашу землю увидят юнцы,
Пусть от края до края её оглядят.
Ведь нельзя их в гнезде удержать всё равно!
Пусть они улетают, не будем тужить.
Пусть увидят, что нам посмотреть не дано...
А для этого стоило,
Стоило жить!

«Художник великого подвига»

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

С первых же дней вражеского нашествия перо Леонова стало разить врага, возбуждать в советских людях чувства патриотизма и ненависти к тем, кто пришёл убивать и грабить. В советских газетах публикуются пронзительно-сильные статьи Леонова, он пишет сценарии для «Боевых киносборников», а половину получаемых гонораров перечисляет в Фонд обороны. Работая военным корреспондентом «Известий» и «Правды», Леонов неоднократно выезжал на фронты.

Трудно остаться невозмутимым, читая написанные в те годы строки — через них передаётся волнение автора и чувствуется дыхание грозных военных лет. «...Мы услышали новых людей, которые в огне сражений или в бессонной партизанской ночи отдали себя родине. Они стоят перед нами во весь свой исполинский рост, светлее солнца, без которого никогда — ни в прошлом, ни в будущем нашем — не цвели бы такие цветы на благодатной Русской земле. Воистину непобедим народ, который родил их!» — писал Леонов в статье «Твой брат Володя Куриленко», посвящённой подвигу 17-летнего партизана.

Произведения военного периода не ограничиваются очерками и репортажами. Пьеса «Нашествие», впервые поставленная в ноябре 1942 года, стала выдающимся событием начального, самого трудного периода войны.

В годы Великой Отечественной войны Леонид Леонов эвакуировался с другими писателями в Чистополь. Неоднократно в качестве корреспондента выезжал на фронт. Работал в газетах «Известия» и «Правда». Его произведения этих лет отразили подвиг народа в борьбе с фашизмом, горе утрат и поражений, мужество и героизм.

«Никто в нашей драматургии не сумел так обжигающе сильно рассказать о том, что довелось нам пережить в тяжёлые дни нашествия, как это сделал Леонов», — отмечал критик Евгений Сурков.

Не менее талантливо написана повесть «Взятие Великошумска», материал для которой писатель собирал буквально на передовой. Главные герои произведения — это танк Т-34 и его экипаж. Участвуя в отражении вражеского натиска, стальная машина совершает дерзкий рейд по фашистскому тылу. В танкистах виден весь советский народ, а их подвиг символизирует подвиг всей страны. «Поколениям танкистов он мог бы служить примером того, что может сделать одна исправная, хотя бы и одинокая «тридцатьчетвёрка», когда её люди не размышляют о цене победы...» — отмечал автор.

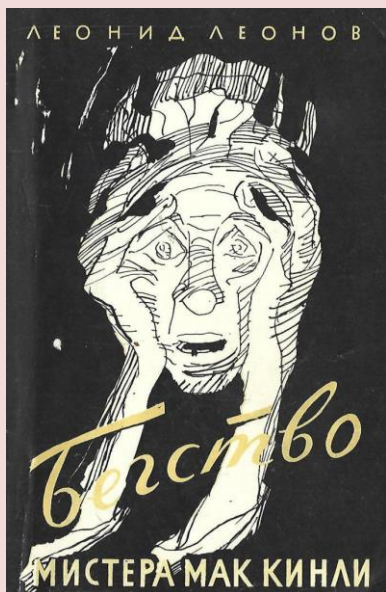
Потрясающи страницы о гибели танкистов Соболюкова и Обрядина, они завершаются авторским реквиемом:

«...Герой, выполняющий долг, не боится ничего на свете, кроме забвения. Но ему не страшно и оно, когда подвиг его перерастает размеры долга. Тогда он сам вступает в сердце и разум народа, родит подражанье тысяч, и вместе с ними, как скала, меняет русло исторической реки, становится частицей национального характера. Таков был подвиг двести третьей».

В 1945 Леонов в качестве корреспондента «Правды» присутствует на судебных процессах над фашистскими палачами в Люнебурге и Нюрнберге (очерки «Когда заплачет Ирма», «Поездка в Дрезден», «Нюрнбергский змей» и др.). В

леоновской публицистике присутствует глобальный масштаб: масштаб Вселенной, человечества.

Леонов рассматривает фашизм в исторической ретроспективе, выявляя пути, по которым пойдет обновленное человечество. Уроки фашизма, по его мнению, должны способствовать «повзролению мира», ибо еще и сегодня «мы дышим частицами пепла и воплями жертв, растворенными в воздухе Европы».

В конце 1950-60-х Леонов возвращается к некоторым своим произведениям предшествующих лет. Публикует кинопамфлет «Бегство мистера Мак-Кинли», где воссоздается атмосфера ужаса, связанная с возможностью осуществления на Земле ядерной войны. Вера в возможность преодоления всех земных невзгод и возрождение человечности составляет суть последнего романа «Пирамида», завершённого перед самой кончиной писателя. Писатель говорит о противоречиях прогресса; о страшной цене, которую платило человечество за каждый свой шаг на пути создания.

«К чему стремятся люди? Говорят, к счастью, а, по-моему, неверно: к чистоте стремиться надо. Счастье и есть главная награда и довесок к чистоте. А что такое чистота на земле? Это чтоб не было войны, и чтоб жить без взаимной обиды, чтоб маленьких не убивали, чтоб на ослабевшего не наступил никто. И чтоб дверей на ночь не запирают, и чтоб друг всегда за спиной стоял, а не враг, и чтоб люди даже из жизни уходили не с проклятием, а с улыбкой...» Леонид Леонов

«Мы за ценой не постоим»

БУЛАТ ОКУДЖАВА

Булат Окуджава был из того поколения, которое встретило войну сразу после школы. На фронте он оказался 18-летним юношей, воевал на Кавказе в течение двух месяцев, был ранен во время боев под Моздоком, а после выздоровления еще два года служил на границе с Турцией. Позже он рассказывал, что фронт его сильно впечатлил в силу возраста («был мальчишкой»), и его первые стихи были именно о войне.

В июле 1941 года в Москве были сформированы 12 дивизий народного ополчения, еще четыре дивизии отправились на фронт осенью, когда немецкие войска уже рвались к самому городу. Окуджава и поэт об ополченцах-добровольцах того времени, которые были плохо обучены и плохо вооружены, но смогли остановить врага, пусть и зачастую ценой своей жизни. «Песня о московских ополченцах» звучала во второй серии советско-американского документального проекта «Великая Отечественная» («Неизвестная война»).

Над нашими домами разносится набат,
и затемнение улицы одело.
Ты научи любви, Арбат,
а дальше — дальше наше дело.

Гляжу на двор арбатский, надежды не тая,
вся жизнь моя встает перед глазами.
Прощай, Москва, душа твоя
всегда-всегда пребудет с нами!

Расписки за винтовки с нас взяли писаря,

Когда началась война, Окуджава пытался пойти на фронт добровольцем, но раз за разом получал отказ в военкомате. Призывали его только в августе 1942 года, а на фронт он попал через два месяца учебы. Тот день Окуджава называл самым страшным в своей жизни, а себя описывал так: *«Мне как-то смешно себя вспоминать и видеть себя — в обмотках, с кривыми ногами, с тонкой шеей, с большой пилоткой на голове, мечтавшего всю войну иметь сапоги и так и не получившего их...»*

но долю себе выбрали мы сами.
Прощай, Москва, душа твоя
всегда-всегда пребудет с нами!

Окуджава во время войны был минометчиком и радистом в артбригаде, но в своих песнях часто упоминает пехоту, то есть тех, кто вынес основную тяжесть боев. «Простите пехоте, что так неразумна бывает она».

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над Землею бушует весна.
И шагом неверным
по лестничке шаткой
спасения нет.
Лишь белые вербы,
как белые сестры глядят тебе вслед...

Одна из самых известных и любимых в народе песен Булата Окуджавы – «Нам нужна одна победа», написанная им для фильма «Белорусский вокзал». Рубленные строгие строчки, написанные тем самым парнишкой из окопов, в

которого снова превратился взрослый Окуджава, рвут сердце и заставляют плакать: «Горит и кружится планета, над нашей Родиной дым...».

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут.
И только мы к плечу плечо
Врастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
над нашей Родиной дым.

И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех.
Мы за ценой не постоим! Одна на всех.
Мы за ценой не постоим!

«С войной покончили мы счёты, бери шинель, пошли домой!» — эти строки не пели солдаты у стен рейхстага и не отправляли в письмах любимым, песня появилась только через тридцать лет после войны. Булат Окуджава и композитор Валентин Левашов видели войну своими глазами, поэтому смогли передать чувства и эмоции «войны шальных детей». Ещё символично то, что Булат Окуджава родился 9 мая!

«Бери шинель, пошли домой». Эта наполненная патриотизмом и пропитанная порохом всенародно признанная композиция очень точно передаёт настроение светлой радости, но в то же время и грусти, которые испытывали победители в мае 45-го года. Помимо этого, она отражает нестерпимую душевную боль и сопричастность последующих поколений к тем суровым годам.

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счёты...
Бери шинель — пошли домой.
Война насгнула и косила.
Пришел конец и ей самой.
Четыре года мать без сына...
Четыре года мать без сына...
Четыре года мать без сына...
Бери шинель — пошли домой.

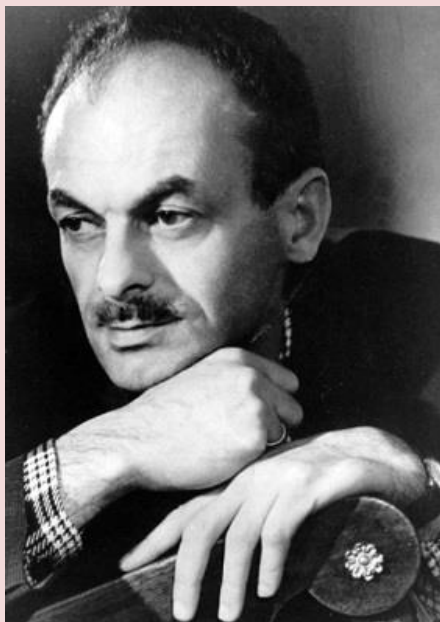
К золе и к пеплу наших улиц
Опять, опять, товарищ мой,
Скворцы, пропавшие вернулись,
Скворцы, пропавшие вернулись,
Скворцы, пропавшие вернулись,
Бери шинель, пошли домой.

А ты с закрытыми очами
Спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
Вставай, вставай, однополчанин,
Вставай, вставай, однополчанин, –
Бери шинель, пошли домой.

Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днём вчерашним,
Неужто клясться днём вчерашним,
Неужто клясться днём вчерашним,
Бери шинель, пошли домой.

Мы все – войны шальные дети,
И генерал, и рядовой.

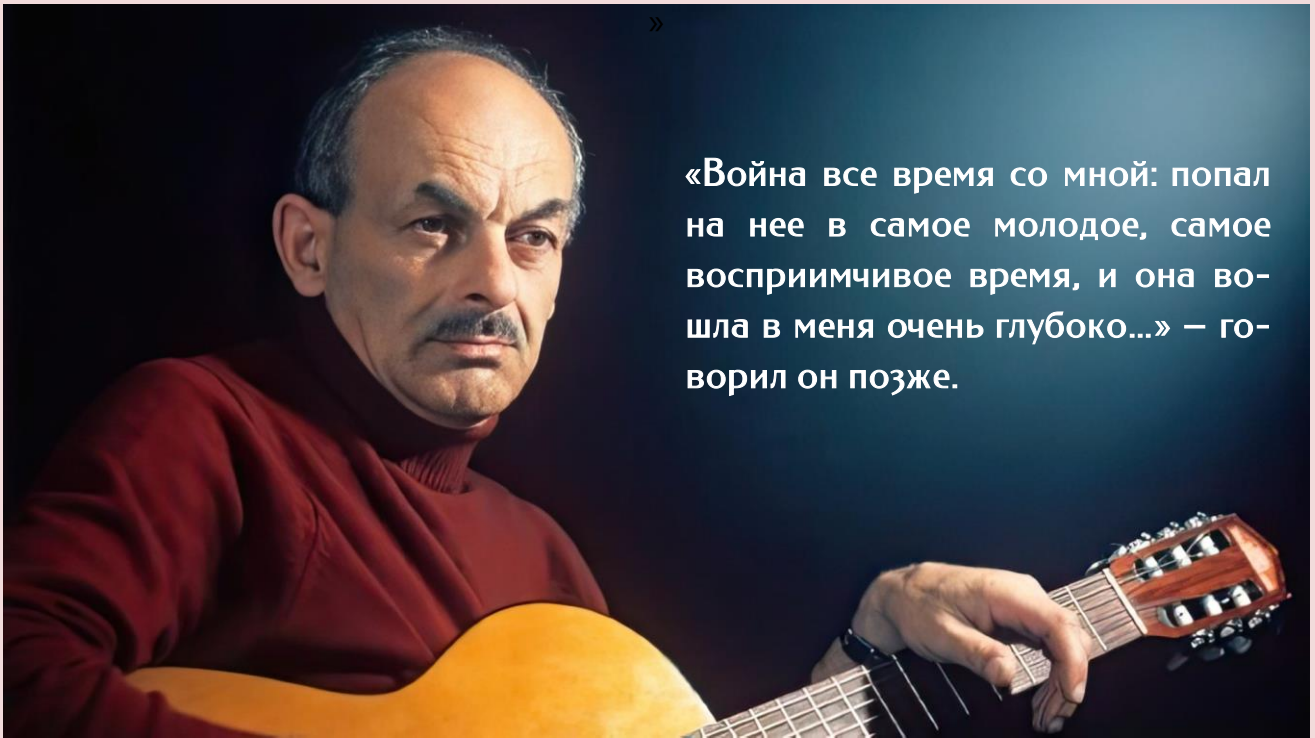
Опять весна на белом свете,
Опять весна на белом свете,
Опять весна на белом свете, —
Бери шинель, пошли домой!

«До свидания, мальчики!»

Эту песню Окуджава написал в конце пятидеся-
тых и посвятил своему поколению: тем, кто ро-
дился в начале двадцатых и почти полностью
сгорел в огне войны. Через несколько лет строку
из этой песни использовал писатель Борис Бал-
тер для своей повести о последних днях мирной
жизни. Повесть была экранизирована в 1964 го-
ду.

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши двory,
Наши мальчики головы подняли —
Повзрослели они до поры,
На пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат
И себя не щадите, и все-таки
Постарайтесь вернуться назад...

«Война все время со мной: попал на нее в самое молодое, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко...» – говорил он позже.

«Умирать не страшно – страшно не жить», – произнесёт однажды композитор, поэт и исполнитель своих песен Булат Окуджава как нечто давно выстраданное. В этих словах – его жизненная философия: он всегда не сторонний наблюдатель, а активный участник событий, со своей точкой зрения на них и суждениями, независимыми от диктата эпохи, вождей, классов, партий. Всего несколько слов, а смысл их настолько глубок, что они заставляют задуматься каждого – в любом возрасте – о смысле своей жизни.

Из глубины ушедших лет
Ещё вернее, чем когда-то:
Чем громче музыка побед,
Тем горше каждая утрата.
Ещё вернее, чем когда-то,
Из глубины ушедших лет.

«...А война была четыре года, долгая была война»

БОРИС СЛУЦКИЙ

В августе 1946 г. поэт был признан инвалидом II группы и уволен из армии в звании майора. 1946–1948 годы провел, в основном, в госпиталях. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, медалями. Войну против фашизма, как и большинство его сверстников, Слуцкий считал не только главным делом поколения, но и персональным долгом каждого.

Первые стихи опубликовал в 1941 г., а первую книгу стихов «Память» выпустил в 1957-м. Борис Слуцкий отдаёт дань памяти своим однополчанам, погибших на полях сражений, в стихотворении:

«Мои товарищи»
Сгорели в танках мои товарищи —
До пепла, до золы, дотла.
Трава, полмира покрывающая,
Из них, конечно, проросла.
Мои товарищи на
 минах
Подорвались,
 взлетели ввысь,
И много звёзд, далёких, мирных,
Из них,
 моих друзей,
 зажглись.
Про них рассказывают
 в праздники,
Показывают их в кино,
И однокурсники, и одноклассники

Слуцкий – в ряду выдающихся русских поэтов, чье личностное становление пришлось на четыре страшных года Великой Отечественной войны. Он прошел всю войну. Тяжело раненный под Москвой, он потом воевал в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. С июня 1941 г. – рядовой 60-й стрелковой бригады, затем служил секретарем и военным следователем в дивизионной прокуратуре, старшим инструктором политотдела 57-й армии. Но, даже будучи политработником, продолжал сам ходить в разведку.

Стихами стали уже давно.

Стихотворения о войне занимают в творчестве Бориса Слуцкого особое место. Лексически простые, с рваными, как земля после боев, строчками, они рассказывают не о триумфе русского оружия, а о той страшной цене, которой он достался. Боевым товарищем посвящено замечательное стихотворение:

«Старший лейтенант»

С первой попытки брал барьер,
прыгал с места, а не с разгона.
дерзкий, сторожкий, как дипкурьер,
в купе трансбалканского вагона.
В звонкую форму свою влитой,
В памяти он выступает снова:
Шёл, будто чувствовал под пятой
Выпуклость, круглость шара земного.
Поворачивался и трещал
Новыми кожаными ремнями,
Взглядом миры и миры обещал,
Мы на него себя равняли.
Где то меж старой и новой границей
Горсточка праха его хранится.
Там он убит и в глину зарыт
И торопливо оплакан навзрыд.

В стихотворении «История над нами пролилась» поэт сравнивает выпавшую на его жизнь эпоху с «ревушим ливнем»:

Эпоха разражалась надо мной,
как ливень над притихшею
долиной,
то справедливой длительной
войной,
а то несправедливостью
недлинной...

Стихи Слуцкого о войне необычны. Поэт словно не замечает масштабности происходящего. Его внимание сосредоточено на каких-то деталях, лишь дорисовывающих, дополняющих картину страшной войны. Многие стихи

написаны по прошествии лет – это позволило осмыслить прошедшее и по-новому оценить его.

Война стала не частью его судьбы, а всей его судьбой. Его стихи о войне скорее напоминают прозу. Мысль о невозможности забвения войны звучит почти в каждом стихотворении Слуцкого. Свет пожарищ Великой Отечественной стал для поэта тем светом, который освещал его творческий путь всю оставшуюся жизнь:

Ночных пожаров полукруг
Багровит север, запад, юг,
Зато дорогу освещает.
С тех пор и до сих пор она
Пожаром тем освещена:
Он в этих строчках догорает.

(«Дорога»)

В стихотворении «Дорога» картины родной земли, истерзанной фашистами, нарисованы скупой, немногословно. За внешней беспристрастностью – боль, готовый вырваться крик:

Вокруг Можайска – ни избы:
Печей нелепые столбы
И обгорелые деревья.
Всё – сожжено.
В снегу по грудь
Идём.
Вдали горят деревни:
Враги нам освещают путь.

Именно в военной теме и проявилось новаторство Слуцкого: поэт внес в осмысление войны свою философию, свои ракурсы, показал великую битву, говоря строкой Маяковского, «весомо, грубо, зримо». Не случайно его стихотворение «Памятник» почти десять лет... фигурировало в литературе в качестве солдатского фольклора». В связи с военной темой у Слуцкого критик Л. Лазарев писал: «Мы слишком «облегченно» изображали войну. Война в поэзии выглядела, как парад на Красной площади. Ничего подобного нет в поэзии Б.Слуцкого, в которой вы «увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаме-

нами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...».

Я умер простым, а поднялся великим.
И стал я гранитным,
а был я живым.
Расту из хребта,

как вершина хребта.
И выше вершин
над землей вырастаю,
И ниже меня остается крутая
Не взятая мною в бою высота.

Поэт Михаил Светлов, ещё в 1954 году, на обсуждении стихов Бориса Слуцкого, в секции поэзии Союза писателей сказал: «По-моему, нам всем ясно, что пришёл поэт лучше нас». Поэт сделал нечто, в русской поэзии до того небывалое: лирическим и балладным стихом он написал хронику жизни советского человека, советского общества за полвека — с 20-х до 70-х годов.

Жизни, смерти, счастья, боли
Я не понял бы вполне,
если б не учеба в поле —
не уроки на войне.
Объяснила, вразумила,
Словно за руку взяла,
И по самой сути мира,
По разрезу провела.

«Три черёмуховых дня»

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Сегодня Солоухина знают, как выдающегося писателя современности, внесшего свой весомый вклад в сокровищницу мировой культуры. Создание высокохудожественных литературных произведений, многочисленные выступления в российской и зарубежной печати, участие во многих общественно значимых акциях, труды по воссозданию храма Христа Спасителя — все эти и другие дела Владимир Алексеевич с успехом осуществлял на протяжении всей своей жизни.

У его поколения была одна, поражающая своим трагизмом особенность: из всех его представителей, ушедших на фронт, домой с войны вернулось несопоставимое с потерями меньшинство. В том, что простому крестьянскому парню Володе Солоухину не довелось сгинуть в чудовищном пожаре Второй мировой, «вины» Владимира нет ни малейшей — явно не по своей воле он нес службу с 1942-го по 1945-й в охране Московского Кремля.

«Меня призвали в августе 1942 года, как и всех моих сверстников. Но, в отличие от них, сложивших головы при первом же соприкосновении с фронтовым огнем (говорят, что парней 1924 года рождения уцелело около трех процентов), я оказался в Полку специального назначения (лотерея и рулетка судьбы), который теперь называется Кремлевским. Служил до весны 1946 года. Последнее звание — сержант, последняя должность — командир отделения. Черчилль,

В 1942-м попал в полк специального назначения (ныне — Кремлевский). Василий Песков вспоминал: «Говорят, что Сталин, просматривая кинохронику, обратил внимание на задержку Черчилля у строя почетного караула. «Что за парень его заинтересовал?» — спросил Сталин. Когда ему доложили, он, попыхивая трубкой, обмолвился: «Нельзя ли этого малого чем-нибудь отличить?» Спросили об этом служивого Солоухина. Тот попросил: «Напечатать бы книжку стихов...» Это, скорее всего, легенда — имя знаменитого человека всегда легендами обрастает».

да, останавливался передо мной. Долго смотрел, не мигая. Ну и я хрен ему мигнул.

Что-то он и сказал, да только я же английского не знал. А потом уже разное говорили – и про Сталина, и про книгу мою. Но на самом деле я сумел опубликовать, благодаря, конечно, своему командованию, всего лишь стихотворение «Дождь в степи».

После армейской службы в Кремле для Владимира открывалась блестящая военная карьера, однако, он поступает в Литературный институт. После его окончания работает в журнале «Огонек».

Главные темы поэзии Солоухина – раздумья о судьбах Родины, красоте ее природы, любовь, морально-этические мотивы, философское осмысление жизни. Наряду с традиционными для русской лирики поэтическими формами использовал верлибр – современную систему стихосложения, представляющую собой своего рода границу между стихом и прозой (в ней отсутствует рифма, размер, традиционная ритмическая упорядоченность). Создал два венка сонетов.

«Звездные дожди» (отрывок)

А вдруг уже была планета
Земле-красавице под стать,
Где и закаты, и рассветы,
И трав душистых благодать?

И те же войны, и солдаты.
И те же коршуны во мгле,
И, наконец, разбужен атом,
Как он разбужен на земле?

Им надо б все обдумать трезво,
А не играть со смертью зря.
Летят из тьмы куски железа
И круто падают, горя.

То нам примером быть могло бы,
Чтобы, подхваченный волной,
Как голубой стеклянный глобус,
Не раскололся шар земной.

У писателя и поэта есть удивительное стихотворение «Мужчины». Это стихотворение, которое размышляет о понятии мужественности и идее о том, что значит быть мужчиной. Действие стихотворения происходит во времена войны, и говорящий размышляет о том, как когда-то мужчины считались воинами и защитниками, представленными их оружием, доспехами и храбростью.

Пусть вороны гибель вещали
И кони топтали жнивье,
Мужскими считались вещами
Кольчуга, седло и копьё.

Во время военной кручины
В полях, в ковылях, на снегу
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины
Пути заступали врагу.

Пусть жены в ночи голосили
И пролитой крови не счесть,
Мужской принадлежностью были
Мужская отвага и честь.

Таится лицо под личиной,
Но глаз пистолета свинцов.
Мужчины,
Мужчины,
Мужчины
К барьеру вели подлецов...

В стихотворении «Сержант запаса» Солоухин говорит о том, что его память о службе в армии отнюдь не истончилась. Хотя солдатские привычки ему «как будто не нужны». И рука привыкла к перу, а не к винтовке. Тем не менее он думает о том, кто сменил его «на посту»:

Все реже думаю меж делом,
Что кто-то новенький в строю
Берет навскидку неумело

Винтовку звонкую мою.

В финале стихотворения герой говорит о том, что ребята из полка до сих пор зовут его сержантом. И делает вывод:

И если я слышу спокойным,
Так это значит — до сих пор
Я помню сдержанность обоймы
И выжидающий затвор.

Отвага и честь — это лучшие качества мужчины, но Солоухин размышляет о человеке. Каким он должен быть, чтобы планета Земля не сгорела в ядерном зареве?! Любовь к природе является отличительным качеством хорошего человека у Солоухина. Владимир Солоухин оставил большое поэтическое наследие, среди которого выделяется стихотворение: «Три черёмуховых дня». Автор в последние годы жизни читал это стихотворение со сцены на всех литературно-художественных мероприятиях, куда его приглашали:

Какой простор насмешкам был,
Упрёкам тошным и сварливым,
Что я черёмух насадил,
Где быть бы яблоням и сливам.

Пыланье белого огня
В чуть золотистый час рассвета...
О, три черёмуховых дня!
Пусть остальное — просто лето.

Как помню, даже и сосед
Не похвалил моей затеи:
«Ни красоты особой нет,
Ни проку, кроме, разве, тени.

Вы не обманите меня,
Чуди, капризничай, погода...
О, три черёмуховых дня
За остальные будни года!

От ягод сразу вяжет рот,
Ну, съешь десятка два от силы.
Конечно, ежели цветёт,
То и душисто, и красиво.

Судьба, пути свои верши.
И отживу. И в землю лягу.
Три дня цветения души!
Себе берите тонны ягод.

Но это ведь — три дня в году.
И — отцвела. И — всё забыто.
Но для чего сажать в саду,
Когда её в лесу избыток?»

И, расцветая и звеня,
И ты, красивая, прости мне,
Что — три черёмуховых дня,
А остальные все — простые.

Но я вчера окно открыл,
Нет, распахнул окно, вернее,
И белой сказкой встречен был
И сразу замер перед нею.

То утро в памяти храня,
Прошу у жизни, как награды:
Дай три черёмуховых дня,
А остальных уже не надо.

«Перед Отчиной наша жизнь чиста»

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

В 1941 году он был призван в армию и зачислен в пехотное училище. Окончить его курсанты не успели. Их выпустили досрочно в звании сержантов и отправили на фронт.

В сорок третьем в бою под Спас-Деменском старший сержант Николай Старшинов осколками разорвавшейся мины был тяжело ранен. Всю ночь полз с перебитыми ногами к своим. В госпиталях он пробыл почти год. Врачи не стали ему ампутировать ноги, но осколки в ногах остались, и он всю оставшуюся ходил с клюшкой.

Когда, нарушив забытье,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!»,
А шли и гибли за нее.

Он пробыл на войне всего семь месяцев. Недаром на фронте говорили: пехотинец живет три атаки... Воевал на Западном фронте, был заместителем командира пулемётного взвода.

«Мне другая судьба не нужна!..»
Пронеслась она просто мгновенно,
Не воротишь, не крикнешь: «Постой!»
А была моя юность военной,
Беспокойной была и крутой...
Ничего её нету дороже.
И когда бы вернулась она,
Я бы вновь её так же и прожил, -
Мне другая судьба не нужна!..

Старшеклассник Коля Старшинов ушёл на фронт добровольцем из девятого класса, как и многие из будущих поэтов давних лет. Участвовал в боях, был ранен. Потом появились стихи:

*Перед Отчиной
наша жизнь чиста:*

*Войну не просидели
мы в подвале.*

*Мы только год носили
паспорта*

*И сами военкому
отдавали...*

После войны молодой поэт поступил в Литературный институт. В 1948 вышел его первый сборник, «В солдатской шинели». Старшинова после окончания института приняли в отдел поэзии журнала «Юность», где он проработал почти восемь лет.

В 1950-е годы увидели свет поэтические сборники: «Друзьям», «В нашем общежитии», «Солдатская юность». Тема войны и армии никогда не уйдет из его творчества.

...Я был когда-то ротным запевалой,
В давным-давно минувшие года...
Вот мы с ученья топаем, бывало,
А с неба хлещет вёдрами вода.
И нет конца раздрызганной дороге.
Густую глину месят сапоги...

Далеко не многим удалось преодолеть переходный барьер из войны в мирное и порой очень чужое бытие. Но он жил для продолжения дела — преданного служения поэзии — Старшинов имел редкий дар учительства — ненавязчивый, уважительный и глубокий. И не перечесть имен поэтов, которые благодарны ему и за бескорыстную помощь, и просто за человеческое тепло. Почитатели и ученики Николая Константиновича напоминают, что великий Пушкин памятник себе ставил не за свою гениальность, а за «милость к падшим».

У поэта Старшинова за спиной остались миллионы других, кому нужна была защита их памяти, — «павших» и не вернувшихся с полей войны. Так что его чеканные, пронзительные строки о войне, любви, природе пришлись очень кстати. И остались с новыми поколениями, несмотря ни на что.

Война! Твой горький след -
И в книгах, что на полке...
Я сорок с лишним лет
Ношу твои осколки.

Как истинно русский солдат, Старшинов и в творчестве шёл вперёд, умножая мастерство и расширяя жанровые границы. И потому имел право более чем профессионально судить о творчестве тех, кто только собирался брать свои поэтические высоты.

Солдаты мы.
И это наша слава,
Погибших и вернувшихся назад,
Мы сами рассказать должны по праву
О нашем поколении солдат.
О том, что было,— откровенно, честно...
А вот один литературный туз
Твердит, что совершенно неуместно
В стихах моих проскальзывает грусть.
Он это говорит и пальцем тычет,
И, хлопая, как друга, по плечу,
Меня он обвиняет в безразличье
К делам моей страны...
А я молчу.

Нотации и чтение морали
Я сам люблю.
Мели себе, мели...
А нам судьбу России доверяли,
И кажется, что мы не подвели.
1945

Не случайно он несколько лет работал в отделе поэзии популярнейшего тогда журнала «Юность», вёл литобъединение МГУ, а позднее почти два десятка лет был редактором альманаха «Поэзия» в «Молодой гвардии».

Жизнь была и сладкой, и солёной,
А порой и горькою была.
Раненый и трижды исцелённый,
Говорю я: «Жизнь, тебе хвала!
Ты дарила тишиной мгновенной
И бросала в полымя огня.
Убивала чёрною изменой,
Воскрешала верностью меня ...

«Нет, нас не покоришь»

АЛЕКСЕЙ ТАЛВИР

Талантливый чувашский писатель, прозаик Алексей Талвир (Башкиров Алексей Филиппович) родился 21 марта 1909 года в селе Батырево Чувашской Республики в семье сельского кузнеца.

Алексей Филиппович был военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Яркие и непосредственные очерки и репортажи с передовой линии фронта оставили неизгладимый след в советской военной художественной публицистике. «Кто смотрел фильм «Разгром немцев под Москвой», тот помнит приезд корреспондента на передовую, к генералу Белобородову, который должен был начать общее наступление на немцев. В своих воспоминаниях генерал пишет, что речь здесь идет о писателе Алексее Башкирове, который первым поведал о начавшемся разгроме немцев под Москвой. Также Алексей Талвир первым сообщил всему миру о взятии нашими войсками Харькова.

Одним из первых вместе с войсками перешел Днепр и разыскал могилу Аркадия Гайдара, судьба которого в те годы волновала многих. Именно Алексей Талвир рассказал всей стране о героической гибели писателя в 1941 году», — пишет Михаил Юхма в своей статье «Алексей Талвир — признанный и не признанный».

На нелегком пути военкора газеты «Комсомольская правда» у Алексея Филипповича было немало впечатляющих случаев.

Алексей Талвир участвовал в боевых действиях Великой Отечественной войны, являлся командиром взвода, политруком роты. Участвовал в боях на Западном, Брянском, Сталинградском и 2-м Прибалтийском фронтах. Награжден орденом Красной звезды и многими медалями.

Посчастливилось встретиться и побеседовать с выдающимися советскими военачальниками – К. Рокоссовским, А. Белобородовым, П. Рыбалко, П. Батовым, М. Шумиловым, итальянским генералом Батисти.

В должности военного корреспондента он находился всю войну. На страницах центральной комсомольской газеты им напечатано около 60 фронтовых корреспонденций.

Его яркие, талантливые очерки, статьи, репортажи с передовой линии фронта, раскрывающие проявления человеческого характера в экстремальных ситуациях, оставили заметный след в советской военной художественной публицистике.

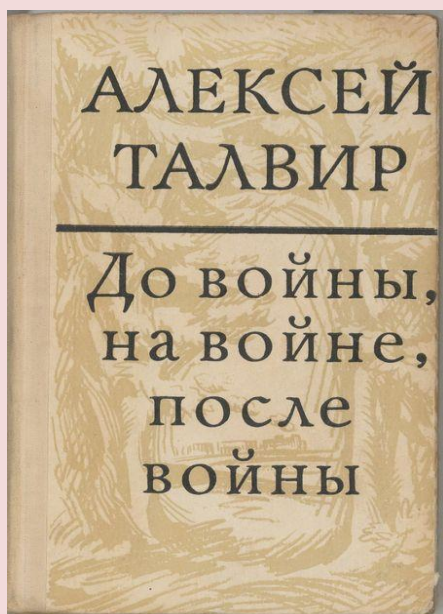
25 сентября 1942 г. в газете «Комсомольская правда» был напечатан очерк А. Талвира «В Сталинграде». В основу произведения положены 4 эпизода, раскрывающие реальную картину кровопролитных битв за Сталинград.

Война и проблемы послевоенной жизни нашли свое отражение в творчестве Талвира. Он создал «Фронтовые рассказы», повести «Лыжный след», «Нет, нас не покоришь», книги повестей и рассказов «Мой завод», «Энтузиасты», «Серебряная крупинка».

Книга «До войны, на войне, после войны» состоит из четырех повестей: «Взмах крыла», «На дорогах фронтовых», «Не ради денег» и «Течет Волга». Все они объединены общей темой и героями, главный из которых молодой железнодорожник, а впоследствии знатный гидростроитель Мика Кулдаев. Прозаик рисует картины созидательного труда чувашского народа, рассказывает о преемственности добрых традиций отцов новым поколением.

Интересен. На наш взгляд, отзыв современного читателя о книге Алексея Талвира «До войны, на войне, после войны». Федор Козлов поделился с читателями газеты «Советская Чувашия» за 2021 год в статье «О войне, о жизни, о человеке» своим впечатлением после прочтения книги. Порекомендовала ему прочесть это произведение чувашского писателя его мама:

«Я не так хорошо разбираюсь в чувашской прозе и поэзии, но у меня есть мама, и именно ее желание читать национальных классиков привело меня впервые в пункт книгообмена. Так, по стечению обстоятельств, попала в наши руки книга Алексея Талвира».

В произведении нет правильного героя — точнее, нет сугубо правильного героя. Мика Кулдаев Алексеем Талвиром показан таким, какой он есть: со всем причитающимся набором положительных и отрицательных качеств. И его ситуационный портрет дан с нужной долей эмоциональной составляющей. Без передергиваний, без перегибов.

В целом — слепок с реальной жизни. Это жизнь, где одни герои выписаны штриховкой, другие — в деталях. И в отличие от многих современных произведений — здесь не образы, здесь люди! Ничто человеческое им не чуждо, они отнюдь не святы».

«Мы и беде и в радости едины»

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

Война застала С. П. Щипачёва в Старой Рузе, в Доме творчества писателей. Уже 24 июня 1941 г. С. Щипачёв был направлен в редакцию газеты Северо-Западного фронта «За Родину» на должность литератора. На следующий день он убыл в Ригу.

Войска фронта оказывали противнику ожесточенное сопротивление. У военных литераторов была задача: укреплять веру бойцов в победу, невзирая на отступление и потери. Так, 21 июля 1941 г. было напечатано два стихотворения С. Щипачёва «Родина» и «Ястребки». В них автор передает трагедию первых месяцев войны.

Не раз, не два встречала ты врага, —
И каждый раз с победой выходила.
Взлетают ястребки за облака,
Их ты, страна, заботливо вскормила.

Твое бесстрашие — в глазах бойцов,
Пусть грозные события нарастают,
Гляжу в родное Сталина лицо —
В нем волю, мужество твое читаю.

О, родина, ты вновь гневна, строга,
В тебе народная вскипает сила.
Не раз, не два встречала ты врага, —
И каждый раз с победой выходила.

Большая Отечественная война началась для Щипачева с первых же дней — 24 июня 1941 года он добровольцем ушел на фронт. Но и на войне поэт старался находить время для стихов.

Они публиковались в газетах «Правда», «Красная звезда», журнале «Красный воин». Также Щипачев — автор множества листовок, подписей к плакатам, воззваний и призывов. Но некоторые его стихотворения военного времени были особенными — их знала наизусть вся страна.

С отступающими войсками следовал и спецсостав, в котором размещалась редакция газеты «За Родину».

В августе 1941 г. журналисты расположились в небольшом помещении в Новгородском кремле, но немцы приближались к городу, и редакции приказали перебазироваться на полустанок Рядчино, что недалеко от Валдая. Путь предстоял не длинный, но опасный, так как немецкие стервятники безраздельно господствовали в воздухе. В той поездке Степан Петрович был ранен. Позже он вспоминал в своей книге «Трудная отрада»: «Где-то в глубине мозга – это была, вероятно, доля секунды – услышался писк, слабый, не громче комариного, – и все оборвалось. Я упал в небытие... Когда очнулся, в тамбуре было темно от дыма и земли. На зубах хрустело. Левая штанина галифе была разорвана от колена до паха. Тут же я обнаружил большой осколок. Он пробил стенку вагона, двойную дверь тамбура и упал рядом со мной... Не понимая ничего, я выскочил из тамбура. Первым попался мне на глаза Марк Гроссман. Он был бледен. По щеке текла кровь...». Через семь лет старая боль прорвалась стихами под названием «Павшим». В основе большинства стихотворений Щипачёва той поры – конкретные факты и случаи из фронтовой жизни.

Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
погибшие в бою...

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
достойна будет жизнь моя
солдатской смерти их.

В основе большинства стихотворений Щипачёва той поры – конкретные факты и случаи из фронтовой жизни. После гибели Зои Космодемьянской Щипачёв посвятил ей стихотворение «Партизанка».

Убили партизанку на рассвете.
Две ночи длились пытки и допрос.
Прощаясь, трогал подмосковный ветер
На лбу девическую прядь волос.

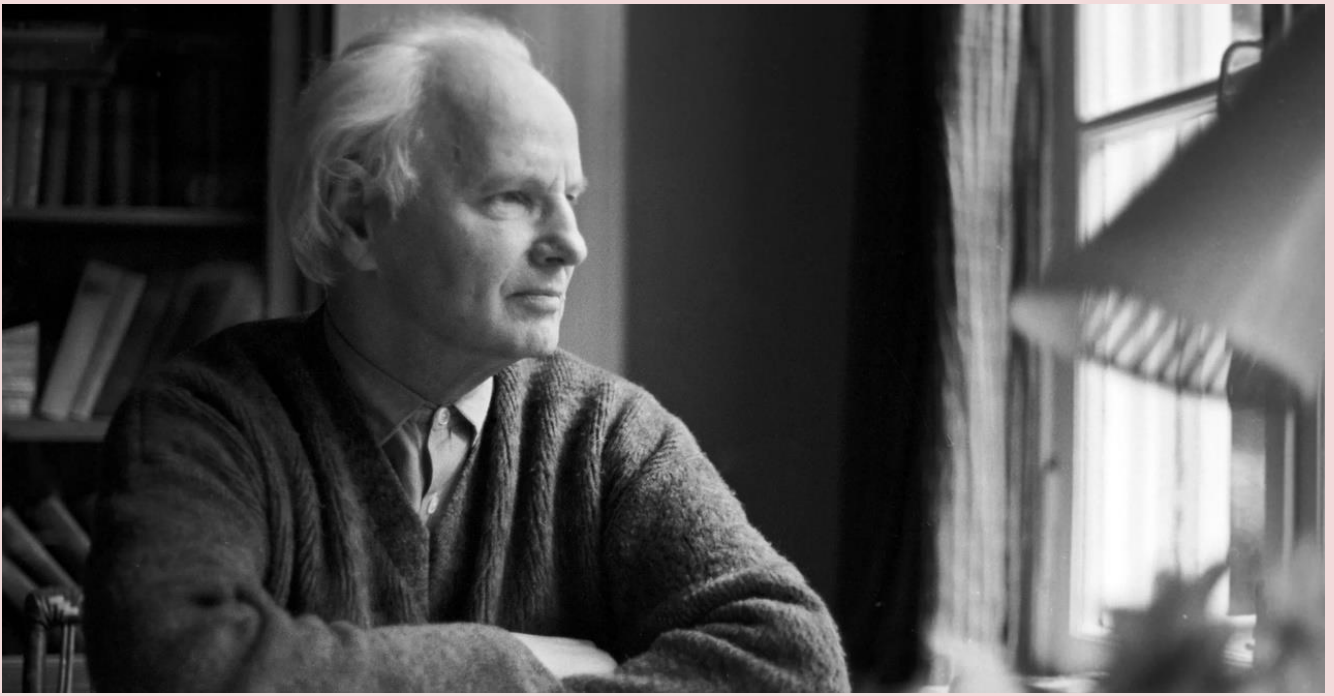
Исколотую прусскими штыками,
В разрушенном селеньи, на краю,
Мы подняли солдатскими руками,
Россия, дочь любимую твою.

В августе 1941 г., прочитав в газете «Правда» сообщение о героическом подвиге младшего лейтенанта Виктора Талалихина, протаранившего немецкий самолет, поэт тут же пишет стихотворение «Таран», прославляя подвиг храброго летчика.

Чуть слышится глухое завыванье.
Летит... Не разглядишь, как ни гляди.
Лишь мертвый след — найди ему название —
В холодном небе стынет позади.

Писал Щипачёв об артиллеристах, снайперах, партизанах. В конце сентября 1941 г. батальонного комиссара Щипачёва переводят в журнал «Красноармеец». Но и находясь в штате столичного журнала, Степан Петрович проводил время не в тиши служебного кабинета. По-прежнему он был на передовой и всегда «на острие атаки».

Подтверждением тому – три ордена Красной Звезды. В интерактивном разделе на сайте Минобороны размещен наградной лист, датированный 12.07.42, с изложением заслуг поэта. Фрагмент этого документа: «Поэт С. П. Щипачёв был в действующих частях, прославлял в своих стихах героизм, стойкость, отвагу воинов Северо-Западного фронта. В феврале и марте этого года был на Калининском фронте. За высококвалифицированный показ героев Великой Отечественной войны, за отличные фронтовые стихи, прививающие ненависть к врагу, беспредельную любовь к советской Родине, за проявленную личную храбрость и отвагу старший батальонный комиссар заслуживает награждения орденом Красная Звезда».

Интерес к творчеству Степана Щипачёва в годы войны значительно возрос. Если общий тираж его книг, вышедших в 1937–1941 гг., составлял около 70 тысяч экземпляров, то в военный период у него вышло семь сборников стихотворений тиражом более 200 тысяч.

Степан Петрович получал со всех фронтов письма с благодарностью за «боевое, настоящее поэтическое слово», которое «идет в самое сердце». Вот пример одного из таких отзывов с фронта:

«В журнале «Красноармеец» за 1943 год был помещен Ваш стих «Из фронтовой почты», где Вы писали: «Весенний дождь хлестал кусты, и над землянкой ветер злился...» Этот стих среди всех бойцов стал очень популярен: он переписывался друг у друга, его разучивали наизусть, многие бойцы писали отдельные куплеты из Вашего стиха: «Ведь эти письма я руками трогал, и ты, читая, будешь трогать их». Вашим стихом почти каждый боец мог сказать о себе, он отражает все душевные чувства бойца. Вот и сейчас слышу, как бойцы в окопе с выражением и глубоким чувством декламируют Ваш стих. С уважением и фронтовым приветом к Вам, Шапкин. 21.07.44 г.»

«Солдат» (отрывок)

Он в это утро, далеко от дома,
дошел до самого конца войны.
Он в стольких битвах не оглох от грома,
а вот сейчас оглох от тишины.
Он, улыбаясь, жмурится от света,
еще пропахший дымом, весь в пыли:
«Так вот она, товарищи, победа,
так вот когда мы до нее дошли!»
Вседневно смерть глаза его видали.
Но он сумел и смерть столкнуть с пути.
Суровые солдатские медали
блестят от солнца на его груди.

«Писателям военных лет»

Леонид Деонисович Мирошниченко

Писатели военных лет,
в веках ваш подвиг свят.
Кроме бумаги и пера,
вы брали автомат.
Страданья, славу и позор,
всё видели не раз.
И той войны кровавой взор
был частью ваших глаз.
То слава ваша иль беда,
что как в бою солдат,
Не отступали никогда
пред правдой строк назад.
Шли, как в атаку, напролом,
сквозь муки лагерей,
Чтоб донести тем, кто живёт,
всю правду горьких дней.
Писатели военных лет,
ваш подвиг вечно свят.
Ведь души ваши, обгорев,
и ныне не молчат.

Электронное издание

«ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ»

дайджест о писателях-фронтовиках

составитель Калинина О.И.

Свердловская областная межнациональная библиотека
г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
телефон: (343)211-07-00, эл. почта : somb@egov66.ru

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА